

ПРОЧТЕНИЕ МОРЕТТИ

Моретти Ф. 2016. *Дальнее чтение*, Пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. Науч. ред. перевода И. Кушнарева, Москва: Изд-во Института Гайдара, 352 с.

На русском языке вышла книга Франко Моретти *Дальнее чтение* (оригинальное заглавие: *Distant reading*). Три молодых филолога А. Вдовин, А. Шеля и О. Собчук, воспитанники тартуской филологической школы, перевели это знаковое для современной гуманитарной науки произведение, а издательство Института Гайдара продолжило конструктивную традицию выпуска книг Моретти на русском: несколько лет назад там же вышла монография *Буржуа. Между историей и литературой* (2014).

При всем заслуженном внимании к другим трудам Моретти, именно *Distant reading* (несмотря на обосновавшийся на обложке русский перевод я всё же пишу заглавие в оригинале, далее будет понятно, почему) стала своего рода *opus magnum* стэнфордского ученого. Дело в том, что именно эта книга, собрание выходявших в разное время статей (каждая из которых, как видно по кратким позднейшим предисловиям, автору по-прежнему кажется удачной), стала манифестом формального подхода к литературе и методологическим базисом для растущего научного направления, для которого пока не нашлось достойного русского терминологического эквивалента: *digital humanities*, то есть приложения цифровых методов к гуманитарным предметам. Фиксируются попытки передать это понятие в русской терминологии как «цифровые гуманитарные науки» или «цифровая гуманитаристика», которые трудно назвать удачными из-за неприятной длинноты (три слова вместо двух) или общей стилистической неоднозначности (за «гуманитаристикой» из-за общей непродуктивности этой словообразовательной модели проглядывает сниженная «ерундистика»). Но важно не это, а то, что благодаря Моретти сам по себе современный подход к большому массиву текстовых данных обрел имя, и имя это – *Distant reading*. Именно в таком контексте и следует рассматривать теперь эту книгу, рецензий на которую с момента выхода на английском языке вышло предостаточно.

И именно в этом кроется главная сложность, потому что большая часть *Distant reading* всё же не демонстрирует те значительные выгоды, которые сулит формальный или компьютерный анализ художественного текста. Моретти прежде всего социолог литературы и рассматривает свой предмет с точки зрения социокультурной базы. В этой же плоскости лежат и его интерпретативные практики:

практически все графики и представленные в другой визуальной форме количественные данные (например, сети или карты) объясняются общественными процессами. Так что книга Моретти о буржуа и влиянии этого класса на художественную культуру в каком-то смысле более честная: она сразу, с обложки, указывает на основной предмет монографии.

До собственно «дальнего чтения» автор довольно подробно разбирает социокультурные факторы, которые влияют на формирование крупных литературных тенденций. И жаждущий формализации и обсчёта литературного текста читатель должен будет сначала пройти через описание связи эпохи Барокко и расширения пространства обитания европейца, через вопросы вроде «Где оказался бы Шекспир, если бы Англия не была островом?» (с. 37), через применение эволюционной теории к художественной культуре.

Чтение книги с каждой страницей всё сильнее заставляет вспомнить масштабные академические проекты советского времени, призванные создать описание целых литературных традиций и в конечном счёте всей всемирной литературы (издательство «Всемирная литература», серия «Библиотека всемирной литературы» и 9-томник «История всемирной литературы»). Советские проекты Моретти не интересуют, и они в книге не упомянуты, но, разумеется, перечислены их общие предшественники, прежде всего, Гёте с его идеей мировой литературы.

Однако к концу тома Моретти добирается и до формализации. Он анализирует длину заглавий множества английских романов, делая выводы о том, как менялась литература (прежде всего, конечно, социология литературы). Он строит графы совместной встречаемости персонажей *Гамлета* на сцене и делает выводы о том, как устроена эта пьеса, а также проворачивает разные другие фокусы с привычными нам текстами, освежая таким образом наше их восприятие. В этом смысле *Дальнее чтение* будет интересна не только учёным, но и тем самым «всем интересующимся», которых оптимистично приводят в конце книжных аннотаций, очерчивая круг потенциальной аудитории издания. Это сродни тому, как новая аранжировка способна освежить наши впечатления от любимой, но несколько приевшейся песни.

Но, разумеется, научная ценность этого труда намного больше, чем формирование эстетического эффекта. Сам подход к художественному тексту через формализацию, кажется, был в прошлом лучше всего разработан русскими формалистами. Прежде других следует упомянуть имя Б. И. Ярхо, его книга *Методология точного литературоведения*, вышедшая сравнительно недавно, демонстрирует многие успехи учёного на этом пути в то время, когда многих

современных методов статистики ещё не существовало.

Однако что-то Моретти изобретает заново. В частности, его анализ системы персонажей *Гамлета* с точки зрения человека, знакомого с теорией графов, выглядит довольно наивно: автор ограничивается визуальным анализом картинки, в то время как граф — это математический объект, и исследователь обязан был бы посчитать разные важные метрики этого объекта (центральность, ассортативность, нагрузку узлов, плотность и пр.). Но, может быть, учет таких нюансов и не главное для первопроходца, открывающего пути для последующей разработки направления и не претендующего на то, чтобы исчерпать тему.

Главное здесь, как кажется, в том, что Моретти — именно литературовед, ищущий новые методы анализа материала, а не естествоиспытатель, ищущий, к какому материалу ему применить хорошо знакомый подход. Опыт показывает, что случаи второго типа имеют гораздо меньше научного и познавательного веса, чем первые. Моретти понимает, что он исследует, осознаёт, что художественный текст очень сложно поддается формализации в отличие от обладающего ограниченным набором релевантных характеристик физического объекта (скажем, звезда или галактика) или химического соединения. Естествоиспытатели давно научились формализовывать то, с чем работают: светимость, масса, апогей орбиты — всё это конвенционально важные для научного моделирования параметры. С литературой не так. Строго говоря, мы не знаем, что именно (настроение автора? что он съел на завтрак? что прочитал в утренней газете?) важно для формирования окончательного облика текста. И это, кажется, до сих пор главная проблема в количественном исследовании литературы. А ещё важнее понимать, что такая проблема в принципе существует, и не считать, скажем, распределение букв в романе, потому что это распределение вряд ли скажет нам что-то существенное обо всей книге.

Коль скоро это рецензия не столько на книгу Моретти, сколько на её русский перевод, скажем несколько слов и о языке книги, хотя, конечно, оценка языка перевода — это всегда вкусовщина, а в случае с научной книгой, кажется, достаточно простого донесения коммуникативного посыла до читателя, а все семантические и образные тонкости в отличие от художественного перевода можно оставить за скобками. Надо сказать, что английский язык (на котором была написана и с которого переведена книга) для автора не родной. Это порой чувствуется, добавляет в работы Моретти не свойственную носителям английского простоту выражения. *Дальнее чтение*, скорее, не обращает на себя внимание этим, но порой даже навязчиво повторяемые фразы (например, «Это была удачная статья», с. 22, 23) оставляют впечатление некоторой ограниченности

используемых автором средств. В переводе всё это филологически скрупулёзно воспроизведено, и остаётся только выразить благодарность переводчикам за их ювелирную работу.

В то же время встречаются и досадные оплошности. В сноске 30 на стр. 44 читаем: «В рассуждении об истоках романа, присутствие этих двух датчан далеко не случайно», в то время как сноска относится к фрагменту текста, где речь идёт о Вермеере и Рембрандте. В оригинальном тексте это сноска 23 на стр. 17: “In a discussion of the origins of the novel, however, the presence of two Dutchmen is far from casual” (Moretti F. 2013. *Distant Reading*. London-New York: Verso). Иными словами, Моретти пишет, как и должно, о голландцах, а не о датчанах. Впрочем, такие ошибки не составляют системы и встречаются в книге крайне редко.

И последнее. Аспект этот внешний, нисколько не сущностный, но не сказать об этом было бы неправильно. Кажется, что перевод «дальнее чтение» для *distant reading* не вполне оптимальный. В данном случае получилась калька, которая не создаёт правильной в русскоязычной традиции оппозиции термину «медленное чтение» (соответствующему английскому *close reading*). Так случилось, что в английской и в русской традиции в основу терминов были положены разные метафоры: дистанция (*close* и *distance*) для английского и скорость («медленное») для русского. Компромиссом могло бы быть прилагательное «отвлечённый». С одной стороны, в нём есть и семантика дистанции (как в английском), и противопоставленность другому, менее популярному, но всё же используемому в русской традиции синониму «медленного» – «пристальное» чтение. Среди перечисленных переводчиками вариантов, которые были отвергнуты на этапе обсуждения заглавия, «отвлечённого» нет; самый близкий из упомянутых – «отстранённое», который мне тоже не представляется удачным.

В целом следует порадоваться выходу книги Моретти на русском языке. В первую очередь потому, что этот том не столько итог, сколько основа для будущих исследований, которые, соединяя методологическую основу русских формалистов и отвлечённого чтения, составят новое направление в рамках актуального литературоведения.

Борис В. Орехов